

Фонд имени Д.С. Лихачева
Институт Петра Великого

Оргкомитет коллоквиумов:

Ирина Гузевич / Irina Gouzévitch
Дмитрий Гузевич / Dmitri Gouzévitch
Франсин-Доминик Лиштенан / Francine-Dominique Liechtenhan
Лилиан Илер-Перес / Lilian Hilaire-Perez

Организаторы:

Фонд Зингер-Полиньяк / Fondation Singer-Polignac
Университет Париж-Дидро (Университет Париж VII) /
Université Paris-Diderot (Université Paris VII)

Организации, оказавшие помощь в подготовке:

Государственный Эрмитаж / Musée de l'Ermitage
Фонд имени Д.С. Лихачева / Fondation D.S. Likhachev
ANR (Agence nationale de la recherche)
Université Paris-Sorbonne
CNRS (Centre national de la recherche scientifique)
Labex TransferS
FMSH (Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris)
CRM (Centre Roland Mousnier, Université Paris-Sorbonne)
CMH (Centre Maurice Halbwachs) EHESS-CNRS, Paris
Programme FRASCIRU

**ПЁТР ВЕЛИКИЙ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИР**

**ЦИРКУЛЯЦИЯ ЗНАНИЙ,
ВЗАИМОВЛИЯНИЯ
1689–1727**



Коллективная монография
по материалам двух коллоквиумов в Париже
28–29 и 30 марта 2013 года

*Под редакцией
Д.Ю. Гузевича и И.Д. Гузевич*



Париж – Санкт-Петербург
ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
2020

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Авторский коллектив:

О.Г. Агеева, Ю.Г. Акимов, Е.А. Андреева, Ф. д'Анжело, Е.В. Анисимов, С. Аршэмбо, С.А. Астаховская, Р. Бараззутти, И.Е. Барыкина, Б. Бенци, Н.Ю. Болотина, Е.М. Болтунова, М.К. Брагоне, Э. Вагеманс, А.А. Голубинский, Д.Ю. Гузевич (науч.ред., рук. авт. колл.), И.Д. Гузевич (науч.ред., рук. авт. колл.), К. Демёленэр-Дуйер, А.В. Захаров, И.А. Иванчук, С.В. Клименко, В.П. Кононенко, Е.К. Крюк, И.В. Кувшинская, Т.А. Лаптева, М.П. Лепёхин, Ф.-Д. Лиштенан, С.А. Мезин, Дж.Н. Рамазанова, Д.А. Редин, Е.Б. Рогачевская, Г.И. Смагина, Э. Суллар, И. Шварц, Э. Шнакенбург.

Переводчики отдельных глав:

М.-Л. Бонак, И.Д. Гузевич, Т.В. Гузевич, К. Гюа, Ю. Корниенко-Дюпон, В.А. Мильчина, Е.А. Уржумцева.

Редакция французских переводов — С. Аршэмбо и И.Д. Гузевич; русских — И.Д. Гузевич

Коллективная монография посвящена перенесению и освоению европейского знания в России в петровскую эпоху: научного, технического, художественного, политического. Перенос знаний рассмотрен в контексте политических и военных событий эпохи. В основе книги лежат материалы двух связанных друг с другом парижских коллоквиумов 2013 года под общим названием «Пётр Великий и Европа наук и искусств: Контекст, система организации, распространение и использование знаний». Успех этих мероприятий и органичное единство их программы, а также готовность участников к сотрудничеству позволила превратить сборник материалов коллоквиумов в единую монографию, сохранив при этом одно из достоинств сборника — дискуссионность.

На обложке использован фрагмент копии XIX в. с картины Луизы Эрсан, 1840. Визит Людовика XV к Петру Великому в отель де Ледигьер 10 мая 1717. Из частной коллекции.

Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир : циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727) : коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г. / ред. Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич. — Париж ; СПб. : Европейский Дом, 2020. — 760 с., цв. вкл.

ISBN 978-5-8015-0406-3

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2020
© Издательство «Европейский Дом», 2020

La Fondation D.S. Likhatchev
Institut Pierre le Grand

PIERRE LE GRAND ET L'EUROPE DES SCIENCES ET DES ARTS

Circulations, réseaux, transferts, métissages
1689–1727



Monographie collective
issue des deux colloques tenus à Paris
les 28–29 et 30 mars 2013

*Sous la direction de
Dmitri Gouzévitch et Irina Gouzévitch*



Paris — Saint-Pétersbourg
EVROPEĀSKI DOM
2020

Contributeurs:

O. Ageeva, Y. Akimov, F. d'Angelo, E. Anisimov, E. Andreeva, S. Archaimbault, R. Barazzutti, I. Barykina, B. Bentz, N. Bolotina, E. Boltounova, M.C. Bragone, A. Golubinskii, D. Gouzévitch (dir.), I. Gouzévitch (dir.), Ch. Demeulenaere-Douyère, I. Ivantchouk, S. Klimenko, V. Kononenko, E. Kryuk, I. Kouvchinskaïa, T. Lapteva, M. Lepekhin, F.-D. Liechtenhan, S. Mezin, J. Ramazanova, D. Rédine, E. Rogatchevskaïa, G. Smagina, É. Soullard, I. Schwarcz, É. Schnakenbourg, E. Waegemans, A. Zakharov.

Traducteurs:

M.-L. Bonaque, I. Gouzévitch, T. Gouzévitch, K. Guha, J. Kornienko-Dupont, V. Milchina, E. Ourjountseva.

Relecture des versions françaises : S. Archaimbault, I. Gouzévitch; des versions russes : I. Gouzévitch

La monographie collective est consacrée aux problèmes du transfert et de l'acclimatation en Russie des connaissances européennes — scientifiques, techniques, artistiques, politiques — à l'époque pétroviennne. Le transfert des connaissances est examiné à la lumière des événements politiques et militaires de l'époque. L'ouvrage s'appuie sur les matériaux des deux colloques aux thématiques connectées tenus à Paris en 2013 sous le titre général « Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts : Circulations, réseaux, transferts, métissages ». Le succès de ces manifestations et l'affinité de leurs programmes ainsi que la volonté des participants à collaborer ont permis d'harmoniser les contributions et de transformer le recueil des matériaux des colloques en une monographie collective tout en préservant l'un des avantages du recueil, son caractère polémique.

Sur la couverture : un fragment de la copie du XIX^e siècle du tableau *Louise Hersent*, 1840. Louis XV rend visite à Pierre le Grand à l'hôtel de Lesdiguières, 10 mai 1717. Collection privée.

Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts: Circulations, réseaux, transferts, métissages (1689–1727): Monographie collective issue des deux colloques tenus à Paris les 28–29 et 30 mars 2013 / Sous la dir. de Dmitri Gouzévitch et Irina Gouzévitch. Saint-Petersbourg: Edition Evropeysky Dom, 2020. 760 p.

ISBN 978-5-8015-0406-3

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2020

© Издательство «Европейский Дом», 2020

Оглавление

Предисловие редакторов. Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир (1689–1727): Постановка проблемы и итоги обсуждения. <i>Дмитрий Гузевич, Ирина Гузевич</i>	13
Introduction. Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts, 1689–1727 : Problématiques, débats, bilan, perspectives. <i>Dmitri Gouzévitch, Irina Gouzévitch</i>	33
Вступительная глава. Отношения петровской России с Европой наук и искусств в первой трети XVIII века. <i>Евгений Анисимов</i>	53
Entrée en matière. Les relations de la Russie pétroviennne avec l'Europe des sciences et des arts dans le premier tiers du XVIII ^e siècle. <i>Evgueni Anisimov</i>	57
Раздел I — Section I	
ЦАРЬ, ЕГО ПОСЛЫ И ЭМИССАРЫ В ЕВРОПЕ	
LE TSAR, SES AMBASSADEURS ET SES EMISSAIRES EN EUROPE	
Часть 1 — Partie 1	
Европейское путешествие Петра I (1716–1717):	
<i>Государство и наука</i>	
Second grand voyage Pierre I^{er} en Europe (1716–1717) :	
<i>L'Etat et la science</i>	
Глава 1. Друзья и помощники царя Петра в Нидерландах накануне его визита во Францию. <i>Эмманюэль Вагеманс</i>	64
Chapitre 1. Les réseaux de Pierre le Grand aux Pays-Bas. <i>Emmanuel Waegemans</i>	73
Глава 2. «Единогласно и без баллотировки»: Пётр I и Парижская Королевская Академия наук. <i>Кристиан Демёленэр-Дуйер</i>	80
Chapitre 2. « Par acclamation et sans scrutin » : Pierre I ^{er} et l'Académie Royale des sciences de Paris. <i>Christiane Demeulenaere-Douyère</i>	93
Глава 3. Научные контакты Петра I в Париже. <i>Сергей Мезин</i>	102
Chapitre 3. Les contacts scientifiques de Pierre I ^{er} à Paris. <i>Sergueï Mezin</i>	123
Глава 4. Свой среди своих / свой среди чужих: Путешествие Петра I в Париж в 1717 г. и формирование топографии власти в России начала XVIII в. <i>Екатерина Болтунова</i>	129
Chapitre 4. « Sien parmi les siens / sien parmi les étrangers » : Pierre I ^{er} à Paris en 1717 et la formation de la topographie du pouvoir en Russie. <i>Ekaterina Boltounova</i>	144

Часть 2 — Partie 2

Европейское путешествие Петра I (1716–1717):
Искусство, архитектура и королевские резиденции
Second grand voyage du tsar en Europe (1716–1717)
L'art, l'architecture et les résidences royales

Глава 5. Альбом Марли — память о пребывании Петра I в Париже в 1717 г. <i>Брюно Бенци</i>	148
Chapitre 5. L'album de Marly offert à Pierre le Grand : Un souvenir de voyage. <i>Bruno Bentz</i>	157
Глава 6. Инженер-гидравлик и фонтанный мастер Суалем на службе у Петра Великого: От машины Марли к фонтанам Петергофа. <i>Эрик Суллар</i>	162
Chapitre 6. Les Sualem : Ingénieur machiniste et fontainier de Pierre le Grand, de la machine de Marly aux Grandes eaux de Peterhof. <i>Éric Souillard</i>	168
Глава 7. Пётр I как покровитель наук и искусств: Второе заграничное путешествие царя и новый этап в развитии русского искусства. <i>Татьяна Лаптева</i>	172
Chapitre 7. Pierre I ^{er} , patron des sciences et des arts : Le deuxième voyage du tsar à l'étranger et une nouvelle étape dans le développement de l'art russe. <i>Tatiana Lapteva</i>	179

Часть 3 — Partie 3

От феномена Великих посольств к Grands Tours
Des grandes ambassades aux grands tours

Глава 8. Путешествия русских послов в конце XVII в.: Аспекты взаимодействия с европейским миром. <i>Инна Барыкина</i>	184
Chapitre 8. Les voyages des ambassadeurs russes à la fin du XVII ^e siècle : Les interactions avec le monde européen. <i>Inna Barykina</i>	198
Глава 9. Рукопись Британской библиотеки, содержащая «Журнал путешествия по Европе» и «Житие Петра Великого». <i>Екатерина Рогачевская</i>	204
Chapitre 9. The «Account of Travel by Peter the Great» and «The Life of Peter the Great» as presented in the manuscript held at the British Library. <i>Ekaterina Rogatchevskaia</i>	223
Глава 10. Сколько времени Пётр I обучался морскому делу во время Великого посольства 1697–1698 гг.? <i>Дмитрий Гузевич</i>	228
Chapitre 10. Le temps de l'apprentissage : Pierre I ^{er} et les « sciences de la mer » durant la Grande Ambassade (1697–1698) : Contribution au débat. <i>Dmitri Gouzévitch</i>	239
Глава 11. Архитектурные ученики-пенсионеры петровского времени: нидерландский опыт и работы в России 1720–1740-х гг. <i>Сергей Клименко</i>	243
Chapitre 11. Les étudiants en architecture de l'époque pétroviennne : L'expérience néerlandaise et les travaux en Russie dans les années 1720–1740. <i>Sergeï Klimenko</i>	259

Раздел II — Section II
ЗНАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ И АКАДЕМИЧЕСКОЕ
LE SAVOIR PRATIQUE ET ACADEMIQUE

Часть 1 — Partie 1

Академии и научная жизнь

Les académies et la vie scientifique

Глава 12. «Российскому народу не только в великую пользу, но и во славу»: Первые 25 лет Петербургской Академии наук. <i>Галина Смагина</i>	267
Chapitre 12. « Pour l'utilité et la gloire du peuple russe » : Les 25 premières années de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg. <i>Galina Smagina</i>	277
Глава 13. И.Д. Шумахер и создание модели взаимоотношения Академии наук и государства. <i>Михаил Ленёхин</i>	286
Chapitre 13. J.D. Schumacher ou comment assurer les relations entre l'Académie des Sciences et le gouvernement russe. <i>Mikhail Lepekhin</i>	319
Глава 14. Иосиф Николай Делиль и система научной коммуникации первой половины XVIII в. <i>Алексей Голубинский, Фабио Д'Анжело</i>	324
Chapitre 14. Joseph-Nicolas Delisle, membre de l'Académie des sciences de Russie et le développement de la cartographie russe. <i>Alexei Golubinskii</i> ; Un moment de recontre entre la France à la Russie: Le débat historiographique sur l'astronome Joseph-Nicolas Delisle. <i>Fabio d'Angelo</i>	337

Часть 2 — Partie 2

Наука и война

La science et la guerre

Глава 15. Цесарский инженер Боргсдорф: У основ петровской фортификации. <i>Искра Шварц</i>	341
Chapitre 15. L'ingénieur autrichien Borgsdorf — instigateur des fortifications pétroviennes. <i>Iskra Schwarz</i>	358
Глава 16. Вклад западных держав в подготовку российских мореплавателей: 1698–1721 гг. <i>Роберто Бараззутти</i>	361
Chapitre 16. L'apport des puissances occidentales dans la formation des marins russes : 1698–1721. <i>Roberto Barazzutti</i>	383
Глава 17. Полтавская виктория в европейском пространстве: Празднества в резиденциях российских послов. <i>Наталья Болотина</i>	390
Chapitre 17. La victoire de Poltava dans l'espace européen: Les festivités dans les résidences des ambassadeurs russes. <i>Natalia Bolotina</i>	403

Раздел III — Section III
ЕВРОПЕЙСКОЕ ЗНАНИЕ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
LE SAVOIR EUROPEEN ET L'ETAT RUSSE

Часть 1 — Partie 1

Европейский опыт, символика и государственное строительство
L'expérience européenne, le symbolique et la construction de l'État

- Глава 18. Европеизация церемониалов русского двора при Петре I:
Каналы поступления информации об образцах церемониальной
жизни. *Ольга Агеева* 410
Chapitre 18. L'europanisation du cérémonial de la cour russe sous Pierre I^{er} :
les circuits d'information sur les modèles du cérémonial européen.
Olga Ageeva 424
- Глава 19. «Ментальное государство» Петра Великого и культура
управления в петровской России. *Дмитрий Редин* 428
Chapitre 19. L'« État intellectuel » de Pierre le Grand et la culture
de gouvernance. *Dmitry Rédine* 443
- Глава 20. Долговечность или временность? Перенос европейского
знания в петровскую эпоху с точки зрения французов.
Эрик Шнакенбург 450
Chapitre 20. Pérennité ou précarité ? : Les transferts de l'époque pétroviennne
sous l'oeil français. *Eric Schnakenbourg* 462

Часть 2 — Partie 2

Европейский опыт и расширение Российской империи
L'expérience européenne et l'extension de l'Empire russe

- Глава 21. Модернизация русского государства в представлении молодого
Петра: Опыт в борьбе за выход к Чёрному морю (1694–1700).
Василий Кононенко 473
Chapitre 21. La modernisation de l'Etat russe dans l'imaginaire du jeune Pierre :
L'expérience de la lutte pour l'accès à la mer Noire (1694–1700).
Vasilij Kononenko 486
- Глава 22. От объяснения инородцев к «просвещению дикарей»:
Европейское знание и отношение русских к аборигенам Сибири
в первые десятилетия XVIII в. *Юрий Акимов* 488
Chapitre 22. De la collecte du tribut des indigènes vers «l'instruction
des sauvages» : les connaissances européennes et l'attitude
des Russes envers les aborigènes de Sibérie dans les premières
décennies du XVIII^e siècle. *Yuri Akimov* 499
- Глава 23. Расширение знаний о Новом Свете при Петре I.
Андрей Захаров 501
Chapitre 23. On the projects of Russia's acquaintance with the New World:
The context of the Russian-European communication
in the early 1720's. *Andrei Zakharov* 513

Раздел IV — Section IV
ПЁТР I И ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ЦИРКУЛЯЦИЯ И ПЕРЕНОС ЗНАНИЯ, ВЗАИМОВЛИЯНИЯ
PIERRE I^{er} ET LA CULTURE EUROPEENNE :
CIRCULATIONS, TRANSFERTS, METISSAGES

Часть 1 — Partie 1

Язык, перевод, литература
Возникновение новой языковой культуры
Langue, traduction et littérature
L'émergence d'une nouvelle culture linguistique

- Глава 24. Личность и развитие русского языка: Изменения в
общественно-бытовой речи высших слоев общества
(перенос и распространение знаний в сфере лингвистических
процессов). *Ирина Иванчук* 519
Chapitre 24. L'identité et le développement de la langue russe :
Les changements du langage quotidien et public des élites.
Irina Ivantchouk 531
- Глава 25. Социальное дисциплинирование при обучении иностранным
языкам в России конца XVII — начала XVIII века.
Джамия Рамазанова 539
Chapitre 25. La discipline sociale et l'étude des langues étrangères
en Russie à la fin du XVII^e — début du XVIII^e siècle.
Jamilia Ramazanova 551
- Глава 26. «О распространении языка русского, российского или
московского»: Долго недооцениваемый период французской
славистики. *Сильви Ариэмбо* 554
Chapitre 26. Développer la connaissance de la langue russe en France :
La « Grammaire » et « Methode » de Jean Sohier (1724).
Sylvie Archaimbault 577

Часть 2 — Partie 2

Язык, перевод, литература
Печатные издания и распространение знаний
Langue, traduction et littérature
Les imprimés et la circulation des savoirs

- Глава 27. Великое Посольство в газетах. *Ирина Гузевич, Дмитрий Гузевич* 580
Chapitre 27. La représentation de la Grande Ambassade dans les journaux :
La presse — une source pour les recherches historiques.
Irina Gouzévitch, Dmitri Gouzévitch 592
- Глава 28. Старое и новое в «Первом учении отроком»
Феофана Прокоповича. *Мария Кристина Брагоне* 601
Chapitre 28. L'ancien et le nouveau dans les « Premiers enseignements aux
enfants » de Théophane Prokopovitch. *Maria Cristina Bragone* 614
- Глава 29. Переиздание «Эссоповых притч» Ильи Копиевского как
отражение языковой политики Петра I. *Екатерина Крюк* 619
Chapitre 29. La réédition des *Fables d'Ésope* d'Ilia Kopievski comme reflet
de la politique linguistique de Pierre I^{er}. *Ekaterina Kryuk* 632

Часть 3 — Partie 3
Искусство и частная жизнь
L'art et la vie privée

Глава 30. «Голицынское барокко»: восприятие европейской культуры современниками Петра Великого. <i>Ирина Кувшинская</i>	639
Chapitre 30. Le « Baroque de Golitzyne » : La réception de la culture européenne par les contemporains de Pierre le Grand. <i>Irina Kouvchinskaïa</i>	651
Глава 31. Европейские модели и формирование архитектурного замысла интерьеров петербургских дворцов Александра Меншикова. <i>Екатерина Андреева</i>	657
Chapitre 31. Les modèles européens et la conception architecturale des intérieurs des palais pétersbourgeois d'Alexandre Menchikov. <i>Ekaterina Andreeva</i>	671
Глава 32. Появление «петровского барокко»: Европейские традиции в меблировке интерьера. <i>Светлана Астаховская</i>	675
Chapitre 32. La naissance du « baroque pétrovien » : Les traditions européennes de l'ameublement des intérieurs. <i>Svetlana Astakhovskaïa</i>	685
Послесловие. <i>Франсин-Доминик Лиштенан</i>	692
Postface. <i>Francine-Dominique Liechtenhan</i>	695
Список сокращений — Liste des abréviations	698
Список иллюстраций — Liste des illustrations	700
Список имён — Index des noms propres	703

Глава 4

Свой среди своих / свой среди чужих:
Путешествие Петра I в Париж в 1717 г.
и формирование топографии власти
в России начала XVIII в.

Екатерина Болтунова (Москва)

На протяжении всего периода царствования династии Романовых лишь четверо российских монархов побывали во Франции: Пётр I, Павел I (тогда ещё наследник престола; ездил под именем графа Северного), Александр I и Николай II¹¹³. При этом первый из этих визитов — Петра I в 1717 г. — пришёлся на период, когда, с одной стороны, репрезентация монаршей власти во Франции достигла исключительного уровня, а, с другой, имперский концепт власти в России находился в стадии начального, но чрезвычайно активного формирования. Именно этот, первый визит представляется наиболее значимым и существенным для понимания заимствования российской традицией власти элементов европейского властного дискурса. При этом речь идёт не только и не столько о возрастающем культурном влиянии Франции в связи с появлением в России таких высококлассных мастеров, как, например, Ж.-Б. Леблон, Л. Каравакк и др., сколько о заимствовании общепринятых церемониальных паттернов, активно работавших на идею легитимации императорской власти. Особое значение в данном случае имеют базовые принципы восприятия пространства власти, такие как функционирование имперских зданий в рамках относительно единого комплекса; семантические ряды и пространственные оппозиции («право-лево», «верх-низ», «центр-периферия»), соотношение организации внутреннего и внешнего пространства, эмблематические коннотации [9, с.49–91].

Однако, прежде всего, хотелось бы отметить устойчивость, — как в широкой общественной, так и академической среде, — некоторых трактовок поведения первого российского императора и его

¹¹³ Николай I и Александр II также побывали во Франции. Первый, тогда ещё великий князь, весной 1814 г. вместе с братом Михаилом проехали от Альткирша (Altkirch) до Везула (Vesoul) на востоке Франции и неделю провели в Париже в мае–июне 1814 г., а затем посетили Париж после 100 дней Наполеона, в июне–сентябре 1815 г. Александр II в апреле 1865 г. побывал в Ницце, где в тот момент от туберкулёзного менингита умирал его сын и наследник престола Николай Александрович. — *Прим. ред.*

отношения к церемониалу и церемониальности. Так, в литературе своего рода общим местом является мнение о простоте вкусов и пристрастий Петра I. Здесь отмечается его любовь к маленьким помещениям с низкими потолками, повторяются рассказы о том, что царь был «чужд церемоний», а его аудиенции представляли собой, выражаясь словами датского посланника Юста Юля, всего лишь «простые посещения» [26, с.129].

Столь же часто принято подчёркивать абсолютную динамику поведения монарха. Востребованным для цитирования в этой связи оказывается текст, датированный концом XVII в. и принадлежащий перу секретаря шведского посольства Энгельбрехта Кемпфера. Шведское посольство было принято одиннадцатилетним царём Петром и его братом и соправителем царём Иваном Алексеевичем в 1683 г. Согласно указанному документу, «в Приёмной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат <Иван — Е.Б.>, надвинув шапку <...>, опустив глаза в землю <...> сидел почти неподвижно; младший <Пётр — Е.Б.> смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое <...> Когда посланник подал <...> грамоту и оба царя должны были встать в одно время <...> младший Пётр, не дав времени дядькам поднять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой: “Его королевское величество, брат наш Карлус Свейский, здоров ли?”» [14, с.349–350]. Это, безусловно, классический русский образ Петра I: естественность природы, вне какой бы то ни было рамки, пусть даже и церемониальной. Интересно, что безотносительно к тому, о каком возрасте Петра I идёт речь, образ этот более или менее сохраняется.

Чрезвычайно показательна и визуальная трактовка образа Петра I. Для русского искусства в целом, за вычетом парадных портретов, составляющих особый жанр, статичный образ Петра Великого не является актуальным. Первый российский император воспринимается почти всегда в динамике и часто изображается в движении. Доминируют вполне традиционные образы всадника, монарха-воина (А. Шхонебек. «Осада турецкой крепости Азов русскими войсками в 1696 г.» (1699); И.Г. Таннауер. «Пётр I в Полтавской битве» (1724 (?)), Л. Каравакк. «Полтавская баталия» (1717–1718), П.-Д. Мартен-младший. «Полтавский бой. Начало боя» (1717–1727), П. Пикарт, А.Ф. Зубов. «Конный портрет Петра I» (1707–1721), работы скульпторов Б.К. Растрелли и Э.М. Фальконе). Более поздние примеры передачи образа ещё более показательны в этом

отношении. В петровских изображениях XIX–XX вв. даже в том случае, когда Пётр оказывается неподвижным, его образ дополняется неким символом движения. В роли последнего может выступать море и/или ветер (В.А. Серов «Пётр I» (1907), А.Н. Бенуа «На берегу пустынных волн...» (1917)), какая-либо фигура, находящаяся в движении и связанная, в свою очередь, с фигурой императора (например, ангел, простирающий крылья над Петром I на новгородском памятнике М.О. Микешина «Тысячелетие России» (1862) или двуглавый орёл позади монарха на картине современного художника С.Н. Присекина «Пётр I» (1992)). Появление же Петра в статике, напротив, может трактоваться как изображение остановленной в силу каких-то причин абсолютной энергии, что приводит к ощущению неизбежности взрыва, рождает чувство страха. Этим, как кажется, объясняется феноменальный успех образа, представленного картиной Н.Н. Ге «Пётр допрашивает царевича Алексея в Петергофе» (1871). Не менее ярким примером может стать памятник Петру I скульптора М.М. Шемякина, установленный на территории Петропавловской крепости в начале 1990-х гг., но по-прежнему вызывающий многочисленные споры.

Академические исследования, в целом, такие трактовки поддерживают, подчёркивая как свойственный Петру I динамизм характера, так и его стремление дистанцироваться от церемониала. В последнее время, впрочем, в этом отношении наметились некоторые изменения. Показательны работы О.Г. Агеевой о формировании русского двора и развитии дипломатического церемониала в России XVIII в., в которых позиция первого российского императора в отношении официальных ритуалов разного рода предстает значительно более комплексной,¹¹⁴ а также исследования британского историка Л. Хьюз, которая перевела вопрос в плоскость истории памяти и проанализировала сложившийся в России и СССР культ вокруг так называемых «домиков Петра» [5].

Действительно, сама постановка вопроса об отказе Петра I от церемониала или непонимании значения последнего для процессов легитимации власти представляется некорректной. Возможно, здесь имеет смысл говорить об определённых этапах. Откровенное нежелание монарха в начале царствования дать чёткое определение представительскому пространству, а также стремление по мере возможности уклоняться от официальных церемоний является, вероятно, свидетельством определённого переходного периода и/или сложности выработки концепта подобного рода. Вероятно также,

¹¹⁴ [8, особенно с.118–187].

что нарочито ломающее стереотипы поведение Петра I в отношении формального ритуала не стоит абсолютизировать применительно к последнему десятилетию его царствования.

Прекрасным примером здесь могут стать действия монарха во время второго посещения Европы, особенно Франции в целом и Парижа в частности, в 1717 г.

Как широко известно, число контактов между Россией и Францией в допетровский период не было значительным. Дипломатические отношения между странами развивались с переменным успехом. Так, посольство П. И. Потёмкина 1668 г., в задачи которого входило обсуждение нового торгового договора между Россией и Францией, было вполне успешным. Попытка наладить политический, а точнее военно-политический контакт, предпринятая два десятилетия спустя, напротив, окончилась провалом. Отправленное во Францию в 1687 г. посольство Я.Ф. Долгорукова имело целью привлечь правительство Людовика XIV к союзу против Османской империи. «Священный союз» против Турции был невозможен: Франция была заинтересована в союзнических отношениях с Портой¹¹⁵. Сама постановка вопроса свидетельствовала о плохой информированности и о несколько наивном видении русскими властями ситуации в мире¹¹⁶.

Вместе с тем, во второй половине XVII в. русский двор проявлял интерес к французским делам и вне непосредственного налаживания торгового и политического сотрудничества. На страницах статейных списков русских послов этого периода Франция предстает как страна, где пространство оказывается осмысленно в категориях власти. Показательны материалы посольства П.И. Потёмкина. В них содержится не только детализированный рассказ об аудиенции у короля [20, с.254–259], но и описание самого пространства французской королевской власти (дворцов, парков, зверинцев): «Дом королевского величества в Парисе <Париже — Е.Б.> строят весь вновь, полаты каменные великие, длина тому королевскому двору будет с полверсты; у того ж королевского дворца сады стоят великие, воды в тех садах взводные розными образцы. И по изволенью

¹¹⁵ Помимо прочего, именно в это время французы приняли решение не содержать за казённый счёт русские посольства, что только усугубило и без того сложную ситуацию, в которую попал Я.Ф. Долгоруков.

¹¹⁶ Тем не менее, де ла Невиль, описывая личные впечатления князя Я.Ф. Долгорукова от поездки во Францию, указывает, что русский посол, несмотря ни на что «был очарован обхождением христианнейшего короля и говорит, что <...> он более доволен этим двором, нежели Испанским, где к царю относятся лучше» [16, с.127].

королевского величества того ево двора, и потешных ево королевских дворов, и зверинцов, и где ево королевское золотое и серебряное дело делают и ковры набирают смотреть ездили стольник Петр и дьяк Семё¹¹⁷ <...> И на потешных королевских дворах полат и всякого строенья много, и в садах строенье великое и всяких доброплодных дерев множество, винограду, винных, миндальных ядер и ягод, лимонов, яблок, груш, дуль великих, слив розных, орехов грецких без числа много, цытронов, гранатов, аранцов и иных овощей. В зверинцах львы, бобры, слоны, рыси и иных зверей много» [20, с.314–315]. Известно, что послы¹¹⁸ посетили Лувр, Тюильри и Версаль [17, с.355].

Не был обойден вниманием и, так называемый, предметный ряд. Русскому послу было продемонстрировано королевское платье и посуда, а упомянутые в тексте стольник Пётр и дьяк Семён, как кажется, и вовсе имели поручение осмотреть самым подробным образом всё, что касалось властной репрезентации. Они «смотрели <...> судов золотых и серебряных и хрустальных и каменных розными образцы. И рукоевое, и лоханей великих, и поддонов серебряных великих же, на чом при короле овощи ставят, и паникадил великих хрустальных <...>, да в полатах строенье многое» [20, с.315].

То, что информация о поразительном по своему великолепию театре власти Людовика XIV достигла русского двора, говорит и тот факт, что в 1680 г. царь Фёдор Алексеевич назначил ведать дворцовым строительством Самуила Фёдорова сына Николева, сына французского полковника на русской службе Николя де Манора [22, с.529]. Историк П.В. Седов прямо указывает, что «поручение строительных работ французу, принявшему православие, вряд ли было случайным. Все европейские монархи с завистью взирали на поражавшее воображение дворцовое строительство французского короля Людовика XIV <...> Желая украсить и расширить свои дворцы и сады, Фёдор Алексеевич решил использовать опыт далекой Франции» [22, с.530].

«Страстным поклонником» Людовика XIV аттестовал себя в это время и В.В. Голицын, первое лицо в русском правительстве времён регентства царевны Софьи, а с 1683 г. и глава Посольского приказа [24, с.97]. С этим мнением согласны историки С.М. Соло-

¹¹⁷ Дьяк Семён Румянцев, второй посланник в посольстве П.И. Потёмкина. — Прим. ред.

¹¹⁸ П.И. Потёмкин и С. Румянцев имели ранги («звания») не послов, а посланников. — Прим. ред.

вёв и А.Г. Брикнер, которые отмечают, что В.В. Голицын находился под сильным католическим влиянием и был исключительно расположен к Франции¹¹⁹. Согласно сохранившимся свидетельствам, сын В.В. Голицына носил на груди портрет французского короля в форме Мальтийского креста [10, с.69].

Примечательны и изменения, произошедшие со статусом французского языка в России. В начале царствования Петра, как широко известно, использование французского было крайне ограничено. Это зафиксировал посетивший Россию в конце XVII в. француз иезуит де ла Невилль. Он упоминает, в частности, что убеждал изучать французский язык А.А. Матвеева, известного впоследствии петровского дипломата. По мнению француза, Матвеев, который был молод, умён и хорошо осведомлён о европейских событиях мог бы при наличии знания французского «полностью удовлетворить свой интерес к чтению.., благо все современные и иностранные авторы переведены на этот <французский — Е.Б.> язык» [16, с.131]. Помимо подававшего надежды А.А. Матвеева, достаточными знаниями французского обладал лишь князь В.Л. Долгоруков. Последний, по мнению Невилля, был «единственным москвитом, говорящим по-французски» [16, с.138].

Спустя три десятилетия ситуация была радикально иной. Прекрасным примером тому служат материалы, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и описывающие дипломатический церемониал при смене власти в 1727 г. [1]. Согласно этим документам, на следующий день после смерти императрицы Екатерины I к «чужестранным министрам» был послан действительный статский советник Василий Степанов, который должен был сообщить дипломатам о кончине государыни и о вступлении на Российский престол императора Петра II. Таким образом известие получили цесарский, шведский, датский, прусский и польский посланники, а также голландский резидент и тайный советник герцога Мекленбургского.

Согласно архивным документам, европейские дипломаты были проинформированы в соответствии с чёткими правилами. Обращает на себя внимание последовательность, согласно которой иностранные представители в России получали печальную/радостную весть, что, в свою очередь, было, вероятно, связано со статусом того или иного дипломата. Однако обращает на себя внимание и сама процедура объявления. Так, согласно документу, Степанов сначала направился к цесарскому посланнику, но, не застав его

¹¹⁹ [24, с.97–98; 10, с.59].

дома, поехал к прусскому посланнику Мардефельду (Mardefeld). Здесь он объявил следующее: «Его императорское величество Всероссийское Петр Второй прислал меня объявить вашему превосходительству о преставлении Ея Величества бабки своя, блаженная памяти государыни Екатерины Алексеевны, и что его императорское величество как по ея тестаменту так и по праву наследства восприял скипетр Российского империя. Его Императорское Величество повелел мне просить ваше превосходительство донести о том Его Королевскому Величеству прусскому государю вашему и обнадежить в истинной дружбе Его Императорского Величества» [1, л.6].

Речь была произнесена Степановым «на российском языке», а затем переведена на французский канцеляристом Коллегии иностранных дел Петром Никифоровым. Мардефельд, в свою очередь, ответил Степанову на немецком, выражая благодарность «за учинённую к нему милость объявлением сим» и желая здравия новому российскому монарху. Аналогичным образом («учинено объявление в таких же терминах») произошло объяснение Степанова с цесарским посланником, который находился в это время в доме Мардефельда, а также диппредставителем Дании, которого Степанов встретил, выходя из резиденции Мардефельда [1, л.6 об.–7]. Степанов во всех случаях говорил по-русски, а каждый из дипломатических представителей изъяснялся на выбранном им языке. Так, датский посланник Вестфален произнёс на немецком следующую речь: «Сожалеею от всего моего сердца о том печальном припадке преставления Ея Императорского Величества и желал бы, чтоб лета жизни Ея Величества могли были продолжительнее быть, но при том всё сердцем моим радуюсь, что Его Императорское Величество как истинный Российского престола наследник восприял скипетр и державу» [1, л.6 об.]. При этом канцелярист Никифоров неизменно переводил всё на язык-посредник, то есть на французский. Таким образом, очевидно, что уже к середине 1720-х гг. французский язык в России, так же как и в Европе [3, с.65–69], занял статус языка дипломатического общения.

Но вернёмся к поездке русского монарха в Париж в 1717 г. Как уже упоминалось, в литературе, посвящённой этому событию, принято указывать на то, что русскому царю было некомфортно в церемониальной среде, подчёркиваются случаи нарушения общепринятых позиций, часто из-за несовместимости динамичного характера Петра, находившегося в постоянном движении, и самой сути ритуала. Так, Пётр I проехал, не останавливаясь несколько городов, где его ждали и где к его приезду готовились. Так, в Брюгге

городской магистрат приготовил Петру дом господина де ла Вилета, но русский царь не сошёл на берег [11, с.158–159]; в Бове монарх проигнорировал организованный для него епископом праздничный обед [6, с.228].

Вместе с тем применительно к обустройству посольства во время поездки по Европе обращает на себя внимание и ряд других характерных черт, например, стремление Петра I и его окружения сформировать для русского монарха во время путешествия его собственное пространство. Практически везде, если только это было возможно, царь останавливался в отдельном доме или дворце, который в таком случае временно (но при этом целиком) отдавался под проживание Петра I и его приближенных. Так, в Антверпене в качестве места пребывания Петра I было выбрано Аббатство Св. Михаила («ночевал в полатах аббатских») ¹²⁰. В Брюсселе русский монарх отказался жить в приготовленных ему маркизом де Прие покоях дворца. Вместо этого он остановился в пустующем так называемом «доме императора Карла в парке» [11, с.147], где в XVI в. после отречения от престола какое-то время жил император Карл V [11, с.131], а в Амьене царь не захотел остановиться в апартаментах епископского дворца [6].

Ставка на своего рода экстерриториальность стала ещё более очевидной после прибытия русского посольства в столицу Франции. В Париже для Петра I были приготовлены помещения в Лувре, а также в одном из частных дворцов — отеле (особняке) Ледигьер (Lesdiguières). Пётр I выбрал второй вариант. Схожую позицию он занял при посещении Марли, где остановился в одном из павильонов [2, с.65–72], а также при достаточно длительном посещении Версаля, расположившись не в каком-либо из многочисленных помещений большого дворца, а в Трианоне [15, с.41].

Отметим, что, стремясь не привлекать к себе широкое внимание горожан, избегать скопления любопытных на улицах, Пётр I отнюдь не отказывался от представительских встреч. Так, в Антверпене он принимал у себя герцога Гольштейнского и принца де ла Тура ¹²¹. В Брюсселе маркиз де Прие организовал в честь монарха обед. Вот как он описывает это событие: «<...> я спросил его, дозволит ли он знатнейшим вельможам нашего края его сопровождать. Царь легко на это согласился. И хотя для того, чтобы подготовить нечто величественное, времени оставалось мало, мне всё же удалось устроить в большом, великолепно украшенном зале моего

¹²⁰ [18, с.397–425; 11, с.86–103].

¹²¹ [11, с.100–103, 124].

дома весьма достойный обед, который оживлял своею игрою ансамбль различных музыкантов, что доставило Его Величеству Царю немалое удовольствие <...> За царским столом обедали его министры и сопровождавшие его генералы, знатные лица края, которых я пригласил. Царь пил за здоровье наших светлейших монархов <...> за здоровье принца Евгения и успешную компанию против турок» [11, с.148]. Камер-юнкер де Либуа, который приветствовал Петра I и его свиту на границе королевства и сопровождал их в поездке в Париж, также указывал, что «везде, где он <Пётр I — Е.Б.> проезжал до сих пор, его встречали громкими криками и салютовали пушечными выстрелами с крепостей и с судов, как бы особу самого короля <...> он принимал приветствие сословий всех особ знатных по происхождению или по должности, которые они занимают, весьма вежливо, любезно и милостиво, нисколько не изменяя благородных и царственных приемов» [21, с.166–167].

Более того, по свидетельствам как русских, так и западных источников, во время этой поездки Пётр I смог продемонстрировать достаточную щепетильность в формальных вопросах, а также в том, что касалось этикета [4, с.270; 6]. Самым известным в этом отношении примером является, конечно, то, что на протяжении первых трёх дней в Париже царь не покидал отель Ледигьер, дожидаясь официального визита короля. Единственное, что он в это время делал — прогуливался «в шлафроке по саду» ¹²². Очевидно, монарх был настроен отработать всю должную линию церемониала. О том, что такое поведение было продиктовано соображениями протокола, он сам сообщал в письмах Екатерине: «два или три дни принужден в доме быть для визит и прочей церемонии, и для того ничто еще не видел здесь» [19, с.66]. Примечательным представляется также и то, что Пётр I не решился взять с собой во Францию супругу, опасаясь, вероятно, пересудов относительно её происхождения.

Особого внимания в этой связи заслуживает история выбора места проживания в Париже для Петра I и сопровождавших его лиц. Как следует из источников, этот вопрос оставался актуальным всё время движения русского посольства от Дюнкерка до Парижа. Жозеф дю Тей (Joseph du Teil), описывает обсуждение, состоявшееся ещё в Дюнкерке, и приводит слова князя Куракина о том, что в Париже Пётр I предпочёл бы «избегать домов королевских» [7, с.143]. При этом из контекста следует, что речь шла не столько о монарших дворцах как таковых, сколько о действующих резиденциях, где русскому царю на правах гостя могли быть предоставлены

¹²² [23, с.360; 12, с.156–162].

апартаменты. Эту информацию подтверждает и де Либуа: в одном из первых писем к регенту он сообщал, что в столице царь хотел бы разместиться «в одном из частных домов», поскольку «желает избежать королевских дворцов» [21, с.147]. При этом сам Пётр, рассмотрев карту города, указал де Либуа на понравившийся ему отель герцога де Вильруа, имевший вид на реку.

Достигнуть чёткой договоренности о предоставлении русскому посольству отдельного дома в Париже, однако, не удалось. Французская сторона, предлагавшая вначале Лувр, Мёдон или «отель какого-либо вельможи» [21, с.152], в конце концов приняла решение поселить Петра I в Лувре в комнатах покойной королевы [21, с.156–157]. Интересно, что в целом приём, оказанный Петру I, стремились согласовывать с видимыми привычками и потребностями русского монарха¹²³. Вместе с тем, когда речь заходила о Париже, французская сторона настаивала на размещении в Лувре, месте столь же шумном, сколь и заметном.

Де Либуа подавал сигналы о том, что русских такое положение дел не устроит. 28 апреля 1717 г. он писал регенту: «князь Куракин не дал мне обещанного ответа относительно помещения в Лувре; не думаю, чтобы на это согласились» [21, с.177]. 1 мая, впрочем, он сообщил, что Пётр I «согласился занять <...> помещение в Лувре, но лишь “на первое время по приезде”» [21, с.187]. Нельзя сказать, что настойчивость русских не была отмечена. Д’Антен, например, предлагая отказаться от Лувра, продемонстрировал самое глубокое понимание ситуации, указав на необходимость отыскать в Париже дом, где было бы возможно «тотчас расположиться *как хозяину*» (курсив мой — *Е.Б.*) [21, с.142].

В итоге в Париже, помимо комнат в Лувре, для Петра I был подготовлен и «запасной вариант» — упомянутый выше отель Ледигьер у Арсенала. Вместе с тем французская сторона не оставляла уверенности в том, Петра можно будет убедить остаться в Лувре.

О том, как скандально развивались события дальше, можно узнать из опубликованного в 1822 г. в журнале «Отечественные записки» «Журнала путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 (sic!) году» [12, с.145–166]. Этот текст в предисловии издателя назван «драгоценной рукописью», которая принадлежит перу кого-либо из свиты Петра Великого. По мнению С.А. Мезина, эти материалы являются переводом фрагмента книги аббата П.Ф. Бюше, который, в свою очередь, опубликовал в 1717 г.

¹²³ [21, с.129–130, 143].

во французских газетах несколько достаточно информативных очерков о пребывании Петра в Париже [15, с.15–17].

Согласно «Журналу», для приёма русского монарха в «старом Лувре» были приготовлены великолепные «покои». Прибыв во дворец, Пётр I оценил гостеприимство («целые полчаса ходил вокруг горницы и удивлялся великолепию придворной мебели» [12, с.153]), однако «решительно отказался» от предложенных апартаментов и «попросил маршала Тесе проводить его в Лездигьерской дом, неподалеку от Арсенала, который также был для него приготовлен». Уговоры, очевидно, не помогли (в тексте: «маршал сколько возможно упрашивал его... и говорил, что Король будет очень доволен, если он останется в Лувре хотя три дня» [12, с.154]), и Пётр I в тот же вечер покинул Лувр. Между прочим, во время этой сцены царь не преминул упомянуть о своей любви к маленьким помещениям, что, вместе с тем, не помешало ему настаивать на переезде в приготовленный для него целый отдельный дом. Судя по документу, французская сторона оказалась не вполне готова к такому повороту событий, поскольку пришлось спешно нести за удаляющимся Петром приготовленные для него в Лувре вещи и даже ужин [12, с.154–155].

Столь, казалось бы, неожиданное и неудобное для французской стороны поведение разъяснилось на следующее утро, когда царь на правах хозяина предоставленного ему дома начал принимать высших чинов Франции. Собственное пространство российского монарха в рамках отеля Ледигьер, таким образом, фактически превратилось в пространство представительское. Посещение прибывшего к русскому царю принца-регента представляло собой вполне чёткий и осмысленный церемониал, которому Пётр I оказался совсем не чужд:

«Его Королевское Высочество <Регент Филипп Орлеанский — *Е.Б.*> был встречен Его Царским Величеством <Петром I — *Е.Б.*> в дверях прихожей; оттуда пошли они в его комнату, где приготовлено было двое кресел: *Царь сел по правую сторону, а Герцога Орлеанского попросил сесть по левую в двух шагах от него*¹²⁴ <...> Конференция продолжалась полчаса, потом они вышли и приметно было, что *Царь нарочно шёл с левой стороны, уступив правую Герцогу Орлеанскому. Его Королевское Высочество, видя себя с правой стороны, хотел было занять левую, но царь до того не допустил* и шёл с ним таким образом до прихожей; четверо чиновников, которые были при встрече, проводили его до самой кареты» [12, с.157–158].

¹²⁴ Здесь и далее курсив мой. — *Е.Б.*

В данном случае Пётр I продемонстрировал понимание важности церемониала как такового. Царь, вероятно, совершенно осмысленно уклонялся от предлагаемого ему статуса почетного гостя в Лувре, стремясь создать своё, пусть и временно, но исключительно ему принадлежащее пространство. Посредством простой, но эффективной манипуляции он смог изменить ход событий: выстроенная таким образом дистанция между русским царём и пространством французской королевской власти задала иные нормы поведения, поскольку Пётр I, став временным хозяином дома, по сути, оказался (на этом локальном уровне) в статусе хозяина, а не гостя.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Пётр I, попав в сферу тотальной ритуализации, вёл себя совершенно адекватно ситуации. Речь уже не шла об умении правильно «считывать» некоторые общие положения поведенческого кода и мимикрировать или приспосабливаться к предлагаемым условиям, то есть о навыке, которым — заметим, между прочим — монарх отнюдь не обладал во время своей первой поездки в Европу. Спустя два десятилетия после Великого посольства русский двор вполне усвоил европейские принципы дипломатического церемониала [8, с.127–167].

Очень показательна манипуляция категориями «право» и «лево». Во время разговора с регентом, как мы видим, Пётр занимает правую сторону (здесь приоритет правой стороны по отношению к левой очевиден), и только во время проводов регента царь уступает (!) правую сторону. И это при том, что во время первого визита гостю традиционно как в России, так и в Европе отдавалось правое место [8, с.130–136]. Вероятно, русский царь посчитал возможным предложить регенту правую сторону, лишь провожая его, поскольку статус регента-гостя был бесспорно ниже статуса коронованного монарха — хозяина. Однако, когда через два дня Петра I посетил король Людовик, русский монарх сам встретил его у кареты (а не у дверей, как регента) и уступил ему правую сторону. Действия Людовика во время визита Петра в Тюильри были зеркально повторяющимися — правая сторона была отдана русскому царю [12, с.160–165].

Очевидно, одной из целей визита Петра I в Париж в 1717 г. было стремление позиционировать себя европейским монархом, представить Европе, Франции в особенности, Российского императора (формально императором ещё не провозглашённого). Пётр I, обладая знаниями о том, каким образом подобная цель может быть достигнута в рамках европейской традиции церемониала, осознавал, что её реализация потребует отказа от столь любимой им про-

стыты общения. Личные предпочтения и желания оказывались вторичными и потому были на время отставлены.

В день королевского визита Пётр начинает выезжать и осматривать столицу Франции, двигаясь от ближайшего к отелю Ледигьер Арсенала вдоль основных достопримечательностей города (Королевская площадь, площадь Людовика Великого, Дом Инвалидов, аббатство Сен-Дени). Культурно-просветительская составляющая этого визита сомнения не вызывает. Очевидно, что Пётр I приехал в Париж, обладая определённым багажом знаний. Как известно, ещё в 1715 г. он получил из столицы Франции ящик книг по самым разным предметам, в том числе и по архитектуре [15, с.21]. Монарх был готов к визиту и, отчасти, по крайней мере, понимал, что именно хотел увидеть. В этой связи показательным, какое значительное количество объектов, связанных с реализацией дискурса власти, он осмотрел. Ведь весьма значительный процент в списке того, что посетил царь, составляли дворцы и загородные резиденции французских королей и знати (такие как Лувр, Тюильри, Пале-Руаяль, Люксембургский дворец, Мёдон, Сен-Клу, Фонтенбло, Версаль и Марли). Формирование образа европейского монарха предполагало рецепцию европейского властного дискурса, в том числе и в связи с его топографической составляющей.

Вероятно, во время второй масштабной поездки в Европу для Петра I было также важно увидеть, что он в дискурсивном отношении движется в правильном направлении. Очевидно, что, убедившись в последнем, царь стал свободнее и в отношении властного пространства. Во второй половине 1710-х гг. монарх активнее, чем когда-либо, обзаводился собственными резиденциями. Показательно, насколько более масштабными и репрезентативными они стали по сравнению с предшествующим периодом. Если построенный в 1708 г. Ф. Склеевым так называемый 1-й Зимний дворец Петра I представлял собой в прямом смысле слова «маленькие хоромы», а сооружённый в 1711 г. 2-й Зимний дворец («Зимний дом» арх. Д. Трезини) был также относительно небольшим, то 3-й Зимний дворец Петра I («Новый Зимний дом» арх. Г.-И. Маттарнови, 1716–1727 гг.) был уже сооружением совершенно иного рода, настоящим императорским дворцом. Как известно, он начал строиться ещё до поездки Петра в Европу, но после возвращения монарха продолжал активно расширяться.

В дальнейшем число представительских сооружений Петра I только увеличивалось. Так, например, один из дворцов появился на территории крепости Шлиссельбург (1722 г., Д. Трезини). По мнению ряда исследователей, это сооружение «не уступало дворцо-

вым постройкам» столицы, поскольку сам дворец, главное место в котором занимал большой зал, должен был стать «ареной проведения торжеств» [13, с.42]. У императора были серьёзные виды и на Москву: в конце царствования он намеревался осуществить большой проект перестройки подмосковного села Преображенского, создав на Яузе целый дворцовый ансамбль. И хотя из одобренного Петром I проекта П. Еропкина почти ничего не было осуществлено [25, с.73–74], стремление монарха представляется знаковым.

В заключение напрашивается интересная параллель в отношении выстраивания Петром I своего пространства в Париже 1717 г. и в Петербурге второй половины 1710-х – начале 1720-х гг. Наблюдавшие Петра в путешествии французы отмечали особенность монарших предпочтений. Они сообщали, что царь «согласится занять роскошное помещение», но при этом выберет для себя лично «одну из внутренних маленьких комнат, выходящими окнами в сад» [21, с.152], или, что «занимая обширные квартиры, [Пётр I] спит в какой-нибудь маленькой и удаленной комнате, когда таковая имеется» [21, с.174]. Такое удивительное соотношение внешнего и внутреннего, публичного и приватного можно найти и в петровских дворцах северной столицы России. Для частных целей Пётр I любил использовать небольшие комнаты с низкими потолками, традиционные для московских теремов конца XVII в., в которых царь провёл детство. Пространство внешнее, публичное, напротив, было обширным, представительным и создавалось в традициях европейского имперского канона.

В определённом смысле таков был итог петровского царствования, ведь сам монарх, как известно, окончил свои дни в «Конторке», маленьком рабочем кабинете, находящемся в западной части огромного парадного и уже третьего по счёту Зимнего дворца.

ИСТОЧНИКИ

Архивы

1. РГАДА Ф.156. Оп.1. Д.47: Известие о кончине государыни императрицы Екатерины Алексеевны, о погребении тела ея в Санктпетербургской крепости в церкви святых апостолов Петра и Павла и о вступлении на Всероссийский престол государя императора Петра II и записки о происходивших одного года при дворе делах, переменах и издаваемых новых указах. Л.1–8.

Библиография

2. *Bentz B.* Pierre le Grand et Marly: Une visite impériale // Marly, art et patrimoine. 2013. №7: De Marly à Peterhof: L'album de Pierre le Grand. P.65–72.

3. Cultures of power in Europe during the long eighteenth century / ed. by *H.M. Scott and B. Simms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 382 p.
4. *Duclos Ch.* Mémoires secrets sur les règnes de Louis XIV et XV. Paris: Foucault, 1829. 514 p.
5. *Hughes L.* «Nothing is too small for a great man»: Peter the Great's little houses and creation of some Petrine myths // The Slavonic and East European Review. Vol.81, n°1. 2003, October. P.634–658.
6. *Le Glay A.* Origines historiques de l'alliance franco-russe. Première série: Depuis les origines jusqu'au traité d'Amsterdam (1717). Paris: H. Champion, 1897. 302 p.
7. *Teil J., du.* Le czar a Dunkerque (1717) // Union Faulconnier Dunkerque, Nord: Bulletin. Vol.5. 1902, June. P.143–190.
8. *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал в России XVIII в. М.: Новый хронограф, 2012. 936 с.
9. *Болтунова Е.М.* Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое изд-во, 2011. С. 49–91.
10. *Брикнер А.Г.* История Петра Великого: В 2-х т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1996. 368 с.
11. *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб.: Гиперион, 2007. 232 с.
12. Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г. // Отечественные записки (СПб.). Ч.12. 1822. С.145–166.
13. *Иогансен М.В., Кирпичников А.Н.* Петровский Шлиссельбург: По новооткрытым архивным материалам // Русское искусство первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования / Ред. *Т.В. Алексеева*. М.: Наука, 1974. С.131–152.
14. *Кемпфер Э.* Извлечение из рукописного сочинения под заглавием Engelberti Kaempferi. Diarium itineris ad aulam Moscoviticam indeque Astracanum suscepti. Anno MDCLXXXIII // *Ф. Аделунг.* Барон Мейерберг и путешествие его по России / Пер. с нем. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1827. С.349–350.
15. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2003. 232 с.
16. *Ла Невиль, де.* Записки о Московии / Предисл., подгот. текста, перев. и коммент. *А.С. Лаврова*. М.: Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1996. 302, [2] с. (Россия и российское общество глазами иностранцев: XV–XIX вв. Вып.1).
17. *Новосёлов В.Р.* Русское посольство во Францию 1668 г.: Два отчёта об одной миссии // Иноземцы в России в XV–XVII вв.: Сб. мат-в конф. 1002–2004 гг. / Отв. ред. *С.П. Орленко*. М.: Древлехранилище, 2006. С.346–355.
18. Обстоятельный журнал о вояже или путешествии Его Царского Величества, как из Копенгагена поехали, и был в Голландии, во Франции и в прочих тамошних местах, и что там чинилось // Журнал или Поденная записка блаженный и вечнодостойныя памяти государя императо-

- ра Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадского мира. Ч.2. СПб., 1772. С.397–425.
19. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т.1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М.: тип. Орлова, 1861. 166 с.
 20. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 487 с.
 21. Документы, относящиеся до пребывания Петра I во Франции, за Апрель и Май месяцы 1717 года // Сб. ИРИО. Т.34. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. С.123–398.
 22. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб.: Дм. Буланин, 2006. 604 с.
 23. *Сен-Симон, герцог де = Saint-Simon, duc de.* Мемуары: Полные и подлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регенстве: Избранные главы = Mémoires: Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le règne de Louis XIV et la Régence / Пер. с фр. *Ю.Б. Корнеева*; сост. и коммент. *А.П. Бондарева*. Кн. 2. М.: Прогресс, 1991. 520 с. (Мемуары и биографии).
 24. *Соловьёв С.М.* Сочинения: в 18 книгах. Т.14. М.: Голос; Колокол-пресс, 1997. 746 с.
 25. Фёдор Головин и Яузская Москва / Сост. *С.Л. Малафеева, И.А. Работкевич*. М.: МНЭПУ, 2002. 158 с.
 26. *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709–1711 // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С.9–396.

Chapitre 4

« Sien parmi les siens / sien parmi les étrangers » Pierre : I^{er} à Paris en 1717 et la formation de la topographie du pouvoir en Russie

Ekaterina Boltounova

Pendant toute la période du règne des Romanov seuls quatre monarques russes se sont rendus en France : Pierre I^{er}, Paul I^{er} (incognito, sous le nom du comte Severni), Alexandre I^{er} et Nicolas II. La visite de Pierre en 1717 s'est déroulée dans des circonstances politiques tout à fait singulières. Le tsar est venu en France à l'époque où la représentation du pouvoir monarchique avait atteint son sommet. Au contraire, en Russie, le concept d'empire en était encore au stade initial, mais actif. C'est justement cette première visite qui peut éclairer le processus d'emprunt des éléments du discours du pouvoir européen dans le contexte politique russe. Le terme

d'emprunt ne signifie pas seulement l'influence croissante de la culture française liée à l'apparition en Russie de maîtres comme Le Blond ou Caravaque. Il s'agit aussi et même surtout de l'emprunt des clichés cérémoniaux qui servaient activement l'idée de l'empire.

En général, l'historiographie pétroviennne est assez intransigeante envers le comportement du premier empereur russe et son attitude vis-à-vis du cérémonial. On multiplie les clichés sur la simplicité de ses goûts et sur son amour pour les chambrettes à plafond bas. Et on n'arrête pas de dire que l'empereur détestait les cérémonies. Sa représentation visuelle est aussi significative : à l'exception de quelques portraits d'apparat, l'image statique de Pierre le Grand n'a jamais été pertinente.

Dire que Pierre niait le cérémonial ou qu'il ne comprenait pas son rôle dans la légitimation du pouvoir, c'est exagérer. Peut-être serait-il plus judicieux de parler de différentes étapes. Le fait qu'au début de son règne Pierre boudait ouvertement les cérémonies officielles et ne voulait pas définir son espace de représentation, témoigne d'une période de transition et/ou de la complexité d'élaboration d'un tel concept. D'ailleurs, il ne faudrait pas absolutiser, surtout pendant la dernière décennie de son règne, le comportement de Pierre qui brisait sciemment les stéréotypes du rituel formel. Ceci peut être illustré par la conduite du monarque lors de sa visite en France et surtout à Paris en 1717.

Arranger son propre espace de représentation à Paris

Conformément à un accord préalable, le côté français avait préparé pour le tsar les appartements au Louvre, ainsi que l'hôtel de Lesdiguières. Pierre a préféré ce dernier. Il a adopté la même attitude lors de son séjour à Versailles, qui était assez long. Pierre a échappé au palais somptueux et s'est installé dans l'un des Trianons. Il en a fait de même à Dunkerque, à Beauvais, et à Amiens, où il avait refusé les appartements au palais de l'évêque. Ce qui attire l'attention, c'est qu'en dehors des buts pratiques (éviter la curiosité des habitants) et des préférences personnelles (l'indifférence au confort, l'envie de simplicité), Pierre a réussi à obtenir un logement séparé (maison, palais) dans tous ces cas. Il évitait sciemment le statut d'hôte honorable qu'on lui proposait, et voulait créer son propre espace même s'il ne s'agissait que de quelques jours. Cette manipulation simple mais toujours efficace a changé le cours des événements : Pierre étant devenu maître temporaire de la maison, son statut changeait, d'invité à hôte.

Participer aux cérémonies de la cour

Se retrouvant dans une sphère totalement ritualisée, Pierre I^{er} agissait conformément à la situation et suivait l'ordre cérémonial habituel, en faisant preuve de sa capacité à « lire » et à appliquer les règles du code

comportemental. Par exemple, au début de son séjour à Paris, l'empereur n'a pas quitté l'hôtel de Lesdiguières pendant quelques jours car il attendait la visite officielle du roi.

L'analyse des cérémonies auxquelles Pierre a participé montre qu'il comprenait les principes fondamentaux de la perception de l'espace du pouvoir, tels que le rapport entre les oppositions spatiales (« gauche-droite », « haut-bas », « centre-périphérie ») ou le lien entre l'organisation de l'espace intérieur et extérieur.

Часть 2

**Европейское путешествие Петра I (1716–1717):
*Искусство, архитектура и королевские резиденции***

Partie 2

**Second grand voyage du tsar en Europe (1716–1717) :
*L'art, l'architecture et les résidences royales***